

ТРИ ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАТВИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ

Кто делает русскую культуру в Латвии?

Одной из целей своей деятельности общество *Seminarium Hortus Humanitatis* ставит изучение русской культуры в Латвии.

На первом этапе своей работы (с 1999 г. по 2002 г.) общество на Чтениях тему культуры рассматривало как локальный феномен (V Чтения 2002 г. — «Вышивка в традиционной культуре старообрядческой церкви». Ведущий — Б. Инфантьев) и др.

На втором этапе (с 2002 г. по 2007 г.) тема культуры на Чтениях и на страницах Альманаха развертывалась в концепции диалога культур (XVIII Чтения 2006 г. — «Концепция диалога культур и современное образование» — ведущий А. Ахутин). Один из вопросов, обсуждаемых участниками семинара: «Можно ли идеи диалога культур сделать частью образовательного ландшафта Латвии?».

Третий этап начинается с лета 2007 г. Его можно характеризовать как исследовательский. Наряду с семинарами, публикациями в Альманахе, общество провело два исследования — одно в 2007 г., другое в 2010 г.

Летом-осенью 2007 г. общество *Seminarium Hortus Humanitatis* провело исследование «Русская культура в Латвии», в котором приняли участие: доктор искусствоведения Борис Аврамец, доцент культурологии и философии Уральской академии государственной службы (УрАГС, Екатеринбург) Леонид Чернов (Россия), профессор, председатель сената БМА Станислав Бука, профессор, доктор истории Александр Гаврилин (Латвийский университет), доктор педагогики Борис Инфантьев, доктор наук информации и коммуникации Сергей Крук, профессор, доктор философии Юрис Розенвалд (ЛУ), поэт Владимир Френкель (Израиль), профессор, доктор филологии Игорь Кошкин

(Латвийский университет), доктор истории Мария Голубева и др. специалисты. Результаты исследования опубликованы в XI номере Альманаха «Русский мир и Латвия: Русская культура вне метрополии» (Рига — 2007 г.).

В письме организаторов исследования к участникам был поставлен вопрос о ведущей тенденции в культуре русских в Латвии, которая была обозначена термином «культурная люмпенизация». Также в письме обозначена оппозиция этой тенденции, которая создается гуманитарной культурой.

14 сентября 2007 г. в Сенатском зале Латвийского университета участники гуманитарного семинара подвели итоги трехмесячному исследованию. Среди итогов был вывод о том, что русская культура в Латвии не может формироваться как территориальное явление. Среди тем, предложенных участникам семинара для продолжения исследования русской культуры в Латвии: «Отражение проблематики русской культуры в прессе», «Типология культуры (культура эмигрантская, советская и др.)», «Проблема институализации русской культуры в Латвии», «Онтологические основания культуры», «Проблемы субъектности русской культуры в Латвии».

После предварительных в 2008-2009 гг. обсуждений было решено выбрать для продолжения исследования русской культуры в Латвии тему «Проблемы субъектности русской культуры в Латвии». Первую часть исследования «Кто делает русскую культуру в Латвии?» представим на страницах Альманаха.

Процесс исследования состоял из двух этапов — в публикации присланных экспертами ответов на вопросы, опубликованных на сайте <http://www.humanitatis.info>, и в итоговой

дискуссии, прошедшей на Первых Инфантьевских чтениях 10 апреля 2010 г. в «Русском центре Балтийской Международной Академии», организованной директором программы управления культурой БМА Ириной Маркиной.

В публикации представлены как материалы дискуссии, так и статьи авторов, присланные специально для Альманаха — Ирины Цыгальской, Роальда Добровенского, Гарри Гайлита.

Первые Инфантьевские чтения 10 апреля 2010 г. «Русский центр» БМА

Алексей Романов: По поводу самого словосочетания «русская культура» или более широко, «национальная культура»... Такое словосочетание в смысловом отношении кажется оксюмороном, то есть насколько культура и национальность могут быть соединяемы? Дело в том, что национальная культура появляется как возможное словосочетание по смыслу именно в XIX веке, в эпоху романтизма, до этого никакой национальной культуры нет. То есть до того никакая культура национальной вообще не была. Если мы говорим о национальной культуре, то сошлемся на более серьезные размышления в этой области, скажем, у Александра Афанасьевича Потебни. У него было много статей о национальности, культуре, мышлении и языке. Культура, если она хочет быть культурой, должна быть транснациональной, то есть она должна обязательно переходить границы своего этноса. А что такое тогда нация? Это уже политическая единица, но едва ли культура. Я только набрасываю проблемные узлы.

Если культура хочет быть мировой культурой, она, естественно, выходит за рамки национальности. Например, Достоевский. Мы знаем, что в советское время Достоевский гораздо меньше был популярен и меньше имел влияния на культуру у нас, чем на Западе. Вот вам живейший пример. В музыке Борис Александрович Аврамец таких примеров назовет еще больше. Итак — транснациональность или мировой уровень культуры. Тут уже необходимо задать вопрос: культура как термин, как определение что в себя включает? Я предлагаю культуру понимать, как понимала его школа Библиера, как школа Ахутина — культура как способ мышления об основах и о природе человеческого и общественного устройства. Если культура что-то другое, ну, простите, это уже не так интересно и даже сомнительно, что это вообще культура, если под культурой не понимать только предмет этнографических и антрополо-

гических исследований. А коль скоро культура — это мышление, то это категория умопостигаемая, то есть культурой в настоящем, собственном смысле владеют только те, кто сделал жизненной необходимостью думать об этом и о своем жизненном же участии относительно предмета своего думания. Естественно, здесь культура никак не национальная принадлежность. Сошлюсь на того же Потебню: «Образованный человек ближе любому другому образованному человеку, нежели простоянину из своего этноса». То есть словосочетание «национальная культура» или, сужая, «русская культура» каким образом может быть применимо в случае постановки Груздовым «Ревизора» Гоголя на латышском языке? Это русская культура или латышская? Сейчас режиссер Серебренников ставит «Мертвые души» тоже на латышском языке. Это что за культура, русская или латвийская? Это просто культура, без географии.

Борис Аврамец: Я музыковед, я историк музыки, а посему ориентироваться в культурной антропологии моя прямая обязанность. Но уже более десяти лет я читаю спецкурс культурологии, поэтому я в данном случае являюсь и культурологом, тем более, когда я готовился к сегодняшнему своему сообщению, я понял, что в такой концептуальной закваске без культурологии вообще не обойтись. Я убежден, что культура, как бы мы ее ни трактовали, это термин, это понятие. Как известно, в конце 40-х годов два американских антрополога издали книгу, где рассматривали более 300 дефиниций культуры. Поэтому я призываю к тому, чтобы вспомнить, что независимо от различий этого понятия это крайне сложное образование, многомерное и поэтому единственный резонный подход это комплексный и многофакторный. Поэтому если сводить культуру вообще к национальной, если мы говорим о русской культуре, то совершенно очевидно, что мы не имеем права в качестве единственного основания использовать один из очень многих аспектов, будь то этническое происхождение, будь то язык общения в семье или с коллегами. Могут быть совершенно другие факторы: образование, принадлежность к конкретной художественной традиции, есть еще конкретная профессиональная деятельность, это уже будет третье. Поэтому я хочу ограничиться только этим. Я полагаю, что без учета того, что наработала культурная антропология, было бы бессмысленно вести обсуждение, дискуссию. Я не думаю, что у всех такое горячее желание погрузиться в XIX век и все видеть только через призму тех категорий, которыми оперировали романтики.

Правомерно ли говорить о русской культуре в Латвии? Я полагаю, что можно было бы говорить, условившись о терминах и понятиях, и уж если вы ко мне обратились, я хочу напомнить то, что сказал Алексей (Романов), я такие же примеры заготовил, говоря о русской культуре в Латвии, но это и вообще из сферы культуры. Есть такие люди, здесь прозвучало имя Ивана Груздова, это один пример. Есть замечательный художник, скульптор Глеб Пантелеев, русский человек, русские папа, мама, дома они говорили по-русски всегда. Его папа преподавал в академии художеств много лет прикладную графику. Глеб Пантелеев один из самых ярких современных художников Латвии, он абсолютно вписан почти во все контексты. Вот сейчас, если не успели, то абсолютно обязательно пойдете на выставку золота в Арсенале, великолепная выставка, и там один из главных объектов — это скульптура Глеба Пантелеева. Он что делает? Делает русскую культуру в Латвии? А что такое русское, национальное, извините меня, пожалуйста? Он настоящий художник настоящего международного класса, востребованный не только у нас. Часто его работы выставляются в очень серьезных местах, выставках и так далее. А чтобы раскапывать, с чем он сам себя идентифицирует... он свободно говорит по-латышски, у него круг общения не ограничен никакими рамками, ни национальными, ни религиозными, ни какими прочими. Элементарный вопрос, и я не уверен, что хотя бы один из здесь присутствующих может уверенно ответить: это русская культура в Латвии? Он русский по национальности, а по культуре?

Прекрасный хореограф и танцовщица Ольга Желтухина, которая практически создала в Латвии новую сферу искусства и культуры, чего в Латвии не было. Она создала не только труппу, она преподает в Академии культуры, у нее есть ученики, не только танцовщики, но и хореографы. Она стала проводить серьезные фестивали, с ней сотрудничают и сюда приезжают голландцы, французы, англичане и так далее. Это транснациональная культура, это как раз тот самый случай. Она по национальности этническая русская. А то, что она делает, это что, русская культура? У Сергея в тезисах есть деятели русской культуры. Она туда попадает под это определение или нет?

Ирина Цыгальская: Работы скульптора Глеба Пантелеева, хореографа и танцовщицы Ольги Желтухиной, скорее всего, можно поместить, так сказать, в графу латвийского искусства. Может быть, и транснационального. В литературе ситуация другая.

Здесь и теперь одним из источников вдохновения для создателя русских литературных текстов были и остаются соприкосновения с латышской культурой. Но граница между русскими и латышскими текстами остается четкой: в литературе деление по национальному признаку очевидно — по языку, что естественно, так как язык — главный инструмент писателя. Однако в культурном пространстве не только в Латвии, но и в России еще с советских времен прочно укоренилось сомнение: а есть ли здесь русская литература? Подобная дискуссия нашла отражение в беседе за круглым столом, опубликованной в 1993 году в «Рижском Альманахе». Она так и называлась: «Есть ли здесь русская литература». Мнения были разные, от несомненного признания до полного отрицания. Известный исследователь истории русской культуры в Латвии Юрий Иванович Абызов утверждал, что здешние русские тексты имеют значение лишь историко-литературное, литературоведческое. Правда, он тут же делает оговорку. Многие, говорит он, «нестоящие в свое время материалы потом в цене повышаются. Как пушкинское Уездной барышни альбом спустя 111 лет вдруг обнаруживается, что там стихи Катенина есть, и Лермонтов мимоходом обронил две строчки...». Поэт Людмила Азарова сказала, что «даже если в городе есть хотя бы один хороший писатель — значит, существует литературный процесс». К сожалению, в нашей дискуссии сегодня не участвует Владлен Дозорцев, который начисто отрицает наличие в наше время литературного процесса не только здесь, но и в России. Для него у меня есть почти неопровержимый аргумент: а как же он сам? В девяностые годы прошлого века он как драматург обрел широкое и заслуженное признание не только в бывшем СССР, но и за рубежом. А в начале двухтысячных годов издал хороший поэтический сборник. Если есть один Дозорцев у нас, значит, есть и литературный процесс. Ведь не возник же Дозорцев на пустом месте.

Юрий Касянич: Я отношусь к той части культуры, которая может иметь этническую принадлежность, потому что инструментально она связана с языком. За любым человеком, который пытается создать литературное произведение, стоит огромный массив истории в русской литературе. Это и язык, который нам передан и который мы обязаны беречь и передать дальше. То, что сегодня происходит с языком, скажем, в Интернете, это совершенное безумие. Говоря о музыке, о живописи, о скульптуре я сразу согласился бы с культурологом, потому что мазок художника не может быть русским,

какой-то скол мрамора или манера лепки не могут быть русской. Здесь разговор идет о культуре, здесь разговор идет об уровне, о качестве, о художественной наполненности произведения. И всегда есть — должны быть! — личности, которые превосходят свое государство, свою страну, свой ареал в силу достижений.

В целом состояние культуры провинциально, но есть отдельные фигуры, которые выделяются. К сожалению, здесь очень мало школ, Херманис ставит спектакли в Москве, Нейбурга представляет нас в области современного искусства. Есть отдельные имена. Благодаря Раймонду Паулсу знают, что есть здесь страна, и у нее столица Рига, а не Вильнюс. Если перейти к литературе, то русское поле литературное в Латвии напоминает поле XIX века, когда после отмены крепостного права выделяли полосочки земли... Количество сект в латвийской русской литературе превышает допустимые пределы и проценты. Это чрезвычайно разрозненное литературное пространство, которое в большей или меньшей степени раздираемо противоречиями. Крошечные амбиции, как прыщички, которые нужно чесать постоянно, к сожалению, не дают результата литературного. Абсолютно отсутствует институт литературной критики. Сейчас незнамо кто может издать книгу с прекрасной полиграфией просто потому, что есть деньги. Купить рука не поднимется, стоит это к тому же достаточно дорого. Плюс ко всему, весь объем публикаций не имеет никакого обобщения. Недавно собрался круг людей, болеющих за состояние русской культуры, и там прозвучало великолепное предложение создать полку, на которой должны стоять книги, изданные в 2009 году, в 2008-м и ранее, все, что можно собрать. Недавно я столкнулся с ситуацией пустой полки, когда работал в экспертной комиссии премии «Признание». Охват произведений в этой номинации был весьма мизерный. Нам следует выйти на проект «Рижская полка», я для себя ее так условно назвал, эта тема меня вдохновила, потому что и наши другие проекты, то же «Признание», могут быть с ним связаны. Я трачу время на чтение книг, потом можно сделать какой-то обзор и может быть даже попытаться его где-то опубликовать. Идет разговор о том, что сейчас нет критериев, и каждый считает себя вправе выйти к читателю безнаказанно. Все-таки нужно нести ответственность за слово, с которым ты выходишь к другому человеку. И не только я, но и Гарри Гайлит может выступить с какой-то критической статьей. Еще есть люди, которые могли бы это делать. Последней изданной в Латвии книгой, которую я

купил, это была книга издательства «Снежный ком». Я просто бежал сквозь магазин и увидел, это рижская книга, надо почитать, я не заметил, что она называется «Обрывки души». Что было на обложке, то оказалось и внутри, и я дал себе зарок — все, больше я себе эти книги не покупаю.

Мне бы хотелось, чтобы на нашем рижском литературном поле в Латвии происходила консолидация. Как это сделать? Я скажу честно, я себе не представляю, потому что есть четкие центры кристаллизации, которые ощущают себя самодостаточными в нашем пространстве и которым больше ничего не нужно. Может быть, нужна более публичная оценка, потому что сейчас положение сильно выровнялось: что Союз писателей, что «Русло», что «Орбита». У кого больше денег, тот вроде бы лучше работает. Я и в самом деле чрезвычайно рад, что «Орбита» хорошо работает, есть сайт в разработке. Это великолепно, что Тимофеев вошел в «шорт» русской премии. Он в тройке. Там Кабанов, Тимофеев, третьего не помню.

Борис Аврамец: Вы говорите о бумажной литературе, но есть много литературных произведений в сети.

Юрий Касянич: Мне удалось посмотреть «Метро-33» Глуховского, удивительный сетевой проект, совершенно чудовищная литература, «классно» написано для любителей, больше никому ничего не надо. Теперь возникла Метрорепедия, написано четыре романа, по мотивам основного, возникает новое понятие: вторичная оригинальная литература. Теперь я читаю критику на этих продолжателей: что да, они написали лучше, чем Глуховский, потому что Глуховский «это просто отстой». А сейчас запустили сетевую игру, серьезные люди пишут о том, что на такой-то станции не хватило патронов. Это финиш, это отсутствие литературы. Игра может быть транснациональной, потому что на самом деле перевели название станции, то же «Метро-2034» можно перенести в Лондон, и все англичане будут рады. Но при чем здесь литература? На самом деле в сети много литературного ужаса. Но когда ты пишешь: Люди, это плохо! — на тебя едут танки, потому что кроме комплиментов там говорить ничего нельзя. Это опять секта, когда нужно произносить только слова красивые.

Елена Матьякубова: У вас в первой части вашего выступления прозвучала оценка русской литературы как провинциальной. Я в свое время сама боролась против этого определения нашей местной культуры. С другой стороны, говоря о литературе, я вспоминаю имена Рас-

путина, Астафьева, которые далеко не в Кремле сидели и сидели именно в глубинке, создавали произведения, которые остались в литературе как мировые достижения. Что вы под словом провинциальность литературного поля подразумеваете и всегда ли это плохо?

Юрий Касянич: Это неплохо, потому что провинциальность должна обеспечивать массовость, некий фон, на котором действительно должны выделяться значительные явления. Уже упомянутый Владлен Дозорцев был единственным русским драматургом в истории Латвии. А латышские писатели постоянно пишут пьесы, я сам когда-то делал подстрочники. Они везут их в Россию. В Челябинске и в Кемерово их ставят. Это переведенные пьесы, потому что на Латвию смотрят немножко как на Запад. То есть в латышской части Союза писателей есть все: там и драматургия, и критика, там есть полноценный литературный процесс. У нас, к сожалению, все от случая к случаю, это эпизоды, потому что нет центра кристаллизации. Возможно, появиться одна харизматическая личность, может быть, этого вполне достаточно для того, чтобы произошел резкий поворот. Он должен произойти, потому что центробежные моменты начинают ослабевать, но на какой базе, на какой почве будет консолидация, очень трудно понять, но она необходима.

Борис Аврамец: С одной стороны я хочу привлечь ваше внимание к тому, что феномен культуры очень сложен, он многомерен, многоаспектен. Мы вправе использовать разные критерии и обращать внимание на разные стороны всей этой проблематики, но с третьей стороны оставляется много открытым. И говоря о музыке, это становится совершенно очевидным.

Итак, если придерживаться формулировки вопроса, заданного Сергеем (Мазуром), то, увы, приходится констатировать, что деятелей русской культуры в сфере музыки в Латвии крайне мало. Здесь я могу назвать только два имени людей, которые активно занимаются тем, что, безусловно, по всем параметрам позиционируется как часть русской музыкальной традиции. Есть такой замечательный человек, фольклорист, представитель фольклорно-этнографического направления в музыкальной практике больше, чем в рефлексивной деятельности, Сергей Оленкин. Я думаю, многие знают его не только заочно, но и слышали, наблюдали плоды его труда. Он прекрасный педагог. Если не все представляют, чем он занимается, а он работает как подвижник, он сумел докопаться до сохранившихся пластов архаической тради-

ции пения... И нет никаких сомнений в том, что в прежние времена так в основном и пели люди без специального образования певческого. Это мощная система выразительных средств, это очень экспрессивное пение. Причем основополагающий принцип образования вокального звука и владения голосом радикально отличается от так называемой ученой музыкальной традиции бельканто и других традиций. И по вполне понятным причинам получилось так, что длительное время вот эта живая традиция считалась низкой, мало интересной и малоценной и в целом ряде регионов большой России эта традиция просто перестала существовать. Нужны были большие подвижники, энтузиасты, но не хватает тут только желания это все раскопать и как-то попытаться воспроизвести. Еще нужно творческое отношение к делу. У него все это есть. Он ведет как бы кружки. Вот кружок, работает с детьми в простой школе. У него все время есть преемственность. Дети вырастают, оканчивают школу, уходят, появляются новые и они поют поразительно ярко. И для них, для этих детей, я наблюдал, как они себя чувствуют — это невероятно важная форма самореализации, развития личности. То, что делает Оленкин, это, безусловно, продолжение живой традиции русской музыкальной культуры. То есть если мы применим все эти строгие критерии к тому, что он делает, это то самое делание русской музыкальной культуры в Латвии. Его деятельность настолько плодотворна, продуктивна, что тем, что он наработал, сейчас очень успешно пользуются представители латышской традиции. Есть очень яркая традиционная певица Зане Шмите, которая сейчас преподает традиционный вокал в Музыкальной академии в программе этномузыкологии. Прекрасный результат, а у кого она научилась всему? У Сергея Оленкина. Получается, что культура работает так, как должно быть, выходит за рамки узкой структуры. И становится транснациональной, хотя здесь ядро и основа — это подлинная русская культура. Это один пример.

Второй пример. Второй Сергей, имя которого уже звучало, это Сергей Пичугин, старообрядец. Он не только поэт и прозаик, он очень серьезный музыкант. И если когда-то в годы перестройки он занимался радикальными, новаторскими вещами, то давно он стал очень серьезно заниматься великой традицией знаменного распева, которая восходит к очень далеким временам: основа — это византийская традиция. Как известно, в пореформенной России принципы церковного пения стали радикально иными, а старообрядцы сохранили древние

традиции. И то, что делает Сергей, это опять же очень важная работа. Это не только изучение, он издает пособие, записывает кассеты, то есть все делается для того, чтобы традиция сохранялась и дальше из поколения к поколению. Это как раз в самом строгом смысле слова настоящая культурная активная деятельность, причем это абсолютно в рамках русской музыкальной культурной традиции. Вот два таких примера. Мы можем сказать, это в Латвии есть и благодаря таким людям как эти оба Сергея.

С другой стороны я хочу обратить внимание на то, что есть целый ряд других случаев, где сам характер деятельности музыканта таков, что мы вряд ли вправе применять понятие русской музыкальной культуры. Несколько примеров. Латвийская Музыкальная академия. Единственный чисто музыкальный ВУЗ в Латвии. Если посмотреть, кто там работает? Здесь как раз начинаются те самые противоречия неразрешимые и проблемы. Я могу назвать несколько имен. Кафедра специального фортепиано, там четыре штатных профессора, в том числе Сергей Осокин. Кто он? Русский человек? Безусловно. Прекрасный педагог, очень тонкий музыкант, один из его учеников, Андрей Осокин, его родной сын, играет очень хорошо, ярко, у него всегда полные залы, но и папу тоже слушают охотно. А то, что делает Сергей Осокин-старший, он что, делает русскую культуру в Латвии? Он играет Шопена, его ученики играют Бетховена. И здесь начинаются как раз вот эти проблемы. Да, он этнический русский, дома они говорят по-русски, продолжают традиции великой русской музыкальной школы исполнительства. Но тем не менее можем ли мы его назвать деятелем русской культуры? Мне представляется, что нет.

Второй пример. Профессор кафедры фортепианной игры Музыкальной академии Арнис Зариньш, этнический латыш, но он после окончания школы Дарзиня 7 лет учился в Москве в Московской консерватории у прославленного пианиста и прекрасного педагога Якова Флиера. Все 5 лет курса в консерватории, а потом еще два года ассистентуры. Это очень солидный срок. И он, будучи человеком талантливым и способным, он впитал в себя все лучшее, что несет в себе великая русская школа пианизма. Он вернулся в Ригу и здесь успешно преподает. И тоже вопрос, один человек Осокин, второй Зариньш. Можно ли сказать, что один делает больше, создавая русскую музыкальную культуру, чем другой? Это вообще невозможно отличить. И тот и другой представляют русскую пианистическую школу.

В том же ключе могу еще назвать третий случай — совсем интересный, Рафик Хараджян, всем хорошо известный. Он армянин, папа его живет в Ереване, его нынешняя жена армянка, с сыном он общается по-армянски, при этом Рафик Хараджян учился много лет в Ленинграде, Ленинградскую консерваторию закончил, ассистентуру, уже очень давно живет и работает в Латвии. Куда вообще попадает Рафик? К русским? А они дома по-армянски говорят. А со студентами он говорит по-латышски. Сергей поставил вопрос так: деятели русской культуры. По какому разряду проходит Рафик Хараджян? Вообще непонятно. Если мы говорим о культурной традиции, то это вообще традиция русского пианизма. Вообще своя конкретика — Московская и Петербургская музыкальная академия. Очень хорошо представлена и та, и другая традиция. Этническая неувязочка — культурная традиция. А что они делают? А все они играют сами и сами они учат играть на фортепиано других людей.

Дальше. Кафедра струнных инструментов, профессор-эмеритус, великолепный музыкант, ученица великого Ростроповича, прекраснейший педагог, создала целую плеяду музыкантов мирового класса, скажем, Кристина Блаумене — ее прекрасная ученица. Опять же, кто Элеонора, что она — делает русскую культуру Латвии? Не знаю. Кристина — ее ученица, она одна из лучших концертмейстеров лондонских симфонических оркестров, папа латыш, а мама латгалка с русским процентом. Кто эти люди? Они — деятели русской культуры? Не знаю. Вопрос открытый. Это исполнители.

Еще один пример. На кафедре музыковедения всего пять полных штатных профессоров. Одна из них профессор Елена Лебедева, выпускница Саратовской консерватории, аспирантура в Ленинграде. Очень знающий человек, очень влиятельный человек, очень почитаемый человек. Она не только преподает, она занимается серьезной исследовательской работой. То, что она делает, это русская культура в Латвии? Здесь можно далеко зайти, когда пытались отличить русскую физику от нерусской физики, когда была борьба с космополитизмом.

Мне кажется, что мы на неверном пути. Я не хочу слишком долго занимать ваше внимание, но все-таки еще один пример — Георг Пелецис, очень серьезный композитор, великолепный исследователь, рижанин, окончивший в Риге школу, потом 5 лет учился в Московской консерватории как композитор у Арама Хачатуряна, потом еще учился в Москве как теоретик. Но чем он занимался как исследователь, он

изучал полифонию, изучал в основном музыку Ренессанса. Его кандидатская диссертация по музыке Окегема, а докторская диссертация, великолепная работа, за которую он получил медаль Международного общества Палестрины, по полифонии Палестрины. При этом православный человек, который со своих студенческих лет несколько десятилетий пел в церковном хоре, скромненько, и будучи уже профессором. И пишет очень много православных сочинений. Как многие здесь в Риге — смешанное этническое происхождение, есть и латышский компонент тоже. Но дома в семье говорят по-русски. Он русский человек, а вот делатель русской культуры? И сочинителей русских этнических — раз-два и обчелся. Пелецис с нерусской фамилией и Мария Гребинчик, тоже с не очень русской фамилией, учившаяся в Москве. Замечательный композитор, прекрасный педагог, она в школе Эмиля Дарзиня.

Это что касается этой профессиональной сферы. Другие сферы музыкальной культуры, тот же самый вопрос сохраняет свою актуальность. Один из лучших в Латвии джазменов, блестящий саксофонист, прекрасный композитор, замечательный педагог, профессиональный менеджер, великолепный Денис Пашкевич. Он создал замечательную школу на уровне колледжа, он сотрудничает с одним лондонским колледжем. Там все очень серьезно поставлено. Он продюсер, выпускает диски, очень востребован, участвует в международных фестивалях, в Скандинавии, в Западной Европе. Человек русскоязычный. А то, что он делает... у него много композиций, выпустил целый ряд дисков. Он что, делает русскую культуру в Латвии? Сколько я его вижу, он говорит по-латышски. Он в основном общается с латышами. Его что, нужно исключать из русской культуры в Латвии? Я призываю вернуться на другой сессии к важным вопросам, как правильно формулировать. Это люди русской культуры, но они одновременно и латвийской культуры, люди европейской культуры, и так мы можем сказать про каждого из нас. Совсем другой вопрос, кого мы можем назвать делателем русской культуры. Мне кажется, Оленкина, Пичугина, но здесь мы говорим о музыкантах и тех людей, которых я только что перечислил, вряд ли. Еще одна сфера деятельности, непосредственно связанная с музыкой, это деятельность менеджеров, продюсеров, организаторов.

Как у нас в Латвии устроена музыкальная жизнь? Если относиться серьезно к академической музыке, это в первую очередь бывшая филармония, то, что сейчас называется государс-

твенное акционерное общество «Латвийский концерт». А если говорить о частных структурах, то здесь два имени сразу всплывают. Первое, это Инна Давыдова, человек русскоязычный безусловно, окончившая русскую школу, мыслящая по-русски, 40-я школа — там английский уклон. У нее концертное агентство, которое называется «Фонд Евы Браун». На очень профессиональном уровне организует целый ряд серьезных концертов, которые прекрасно посещаются. Все делается абсолютно правильно и грамотно. Это то, что делает Инна, она делает русскую культуру? Всегда в ее фестивалях особое место отводится русской музыке: и русские романсы поются, и произведения Чайковского, и Прокофьева. Но наряду с этим звучит совершенно другая музыка. Это один пример. Еще один человек в этой же сфере, не с таким размахом, но серьезно работающий — Владимир Решетов. Его фирма «Гамаюн» организует очень серьезные хорошие концерты. Это тоже часть музыкальной культуры Латвии. Но то, что он делает, это часть русской музыкальной культуры? Последний его очень серьезный проект, он пригласил в Ригу одного контратенора, Майкла Чайнса, с ним выступали два музыканта из Петербурга. И здесь вряд ли плодотворно можно подходить с такими критериями. Они делают русскую культуру? Делают культуру вообще.

Илларион Иванов: У меня к вам вопро- такой, помимо того, что собирает Сергей Оленкин... Мы обсуждали на круглом столе, есть у нас десятки хоров в Даугавпилсе, например. Я не со всеми знаком. Вы их относите к представителям русской культуры?

Борис Аврамец: У нас есть хор народных инструментов тоже. Есть еще такой феномен времени, то, что называют КСП, клуб песни, где выражен ярко национальный колорит. Не только в мелодике, но и в образном языке, в самом подходе, это тоже продолжение, это тоже способствует самоидентификации.

Илларион Иванов: Что относится к Сергею Пичугину... Сергея Пичугина я тоже хорошо знаю, может быть больше, чем Сергея Оленкина. Если говорить о том, что он продолжатель, создатель русской культуры, связанной с древней традицией, то он не единственный, и он может быть не самый первый. Я бы хотел еще назвать Евгения Григорьева, который подготовил несколько аспирантов, в том числе докторанта музыкальной академии Инну Петляк. Но говорить здесь, что Сергей Пичугин почти единственный музыкант... В каждой старообрядческой моленной есть люди, которые несут и сохраняют эту музыкальную культуру.

Ирина Цыгальская: Хочу подчеркнуть, что культура живет и развивается в непрерывном диалоге. В литературе здесь и сейчас диалог ведется между латышской и русской поэзией и прозой, между писателем и читателем, поэтом и композитором, сочиняющим музыку на его стихи, исполнителем музыкальных произведений и слушателем, художником и посетителем выставок... Развитию литературы, литературному процессу необходим диалог между писателем и издателем. Как первая трибуна нужны печатные издания: газета, в которой хоть раз в неделю находилось бы место для критической статьи, стихотворения, короткого рассказа, и главное — журнал.

У нас больше не выходит «Даугава». Об этом я пишу в своей статье, которая помещена на сайте humanitatis.info/index.htm. Периодические издания «Орбиты» заменить «Даугаву» не могут, хотя, к чести участников, составителей, они продолжают традицию диалога между латышской и русской культурой. Но это локальные издания. Составители изданий, лидеры кружка испытывают, к тому же, недоверие к самодостаточности своих поэтических текстов, поэтому дополняют их разного рода перформансом. Неуверенность в самодостаточности своих текстов проявилась и в том, что к участию в Антологии современной русской поэзии Латвии, изданной в 2008 году, они привлекли и некружковцев, включили туда стихотворения, например, Золотова, Гондельмана, Ивлева и других поэтов. Однако в привлечении других проявилась и замкнутость, и вкусовщина. Это не такой уж великий грех, тем более в молодости, тем более что это процесс... Но — было заявлено о представлении современной русской поэзии в Латвии. Правда, с оговоркой, что отобрали поэтов, пишущих и развивающих свою поэтику с 1985-го года. Но до 96-го еще жива Лидия Жданова, до начала двухтысячных работает Леонид Черевичник, жива Лариса Романенко, она развивает свою поэтику до последнего своего стихотворения, которое написано за час до ухода. На мой взгляд тут проявилась не только субъективность составителей: они могут даже самозванцами показаться, и я к достижениям этого кружка отношусь сдержанно.

Юрий Касянич: С музыкой и живописью мы разобрались. Борис хорошо доказал, что русская культура в музыке может присутствовать, если там добавлено слово народная. Мы все сейчас находимся в сложном процессе. Я думаю, что это чудовищное постмодернистское половодье, поток, который несет и в котором очень сложно сейчас найти точку отсчета. Если

вести отсчет от тех корневых моментов, которые во времени сместить нельзя, можно делать привязку к русскому народному.

Что касается литературы, инструмент ее — русский язык, поэтому о носителях в этом смысле можно говорить, что русская культура может быть в Латвии. Есть ли она? Это вопрос другой. Я все-таки ближе склоняюсь к точке зрения Владлена Дозорцева, есть проявление, но нет культуры. Русской литературы в Латвии как серьезного образования все-таки нет потому что отсутствует консолидация ментальности.

Носители, конечно, есть, например «Орбита», но «Орбита» — это рэп. Это хорошо, это современно, это потребляется, это отражает наши дни, это довольно миленько, если еще музыка, был бы почти факт культуры. Какой? Почти культуры. У Вознесенского: «Популярнейшие профессии завоевывают свет: поп-певцы и поп-поэзия... Попы есть, поэтов нет...»

Если говорить о носителях, кроме Веры Панченко, пожалуй, никого и не назову: помимо того, что пишет, она несет этот флаг. Эта маленькая хрупкая женщина из последних сил несет знамя, флаг. Она его настойчиво протаскивает вперед. Я поражаюсь ее подвижничеству. Если Людмила Азарова — она немножечко артефакт, то Вера идет ко всем бюрократам, по всем этажам и кабинетам, она преодолевает и ей это удается... Она все организовала сама: и семинар молодых, потом сборник про Ригу — на абсолютно пустом месте. Это не значит, что она потащит всю литературу, но пример все же есть. Это носитель.

Владлен Дозорцев тоже носитель русской культуры, дошедшей до определенного нигилизма. Но это тоже необходимо, потому что нигилизм заставляет осмотреться и одуматься. Или Гарри Гайлит выступит очень резко, бывает, немножко вхолостую, но заставляет задуматься. Все равно, остаются люди, которые за достаточно большое время доказали право высказывать свое мнение и просто присутствовать в этой культуре. Они присутствуют в этой культуре независимо от того, публиковались они или нет в последние годы. Если называется какое-то имя и его знают, это крайне важно. Но таких имен, к сожалению, мало: «нас мало, нас адски мало, и самое главное, что мы врозь... Это самая моя большая печаль.

У меня есть такая шальная мысль: быть может, вокруг Сергея (Мазура) что-то организуется... Идеи есть, понимание есть, есть все составляющие, нет чего-то или кого-то одного —

вот бы чуть-чуть приподнять. Если бы мы на все посмотрели сверху, то поняли бы, каким должен быть нормальный сад. А сейчас это бурьян, это заброшенный сад, заброшенный дом, где крапива и смородина одновременно. Культура требует возделанности, она требует трепетного отношения.

У нас сейчас все коммерческое, все равнодушно одинаково, критериев нет. И пишут, не думая кому, зачем? Когда-то это все было, но мы об этом забыли. Механизм самоочистки этой культуры тоже необходим. Милена Макарова — единственный мост между латышами и русскими, блистательный переводчик, тонко чувствует поэтику, но это факт скорее латышской культуры. Я переводил 20 лет, но сейчас нет выхода, нет никаких перспектив, поэтому я сейчас этим не занимаюсь. Хотя мне очень хотелось, когда была связь с латышской поэзией, мне хотелось сделать латышскую поэзию достоянием русской читающей публики, чтобы ее услышала Москва. Потому что те русские переводы, которые видела Москва, это не были переводы латышской поэзии.

Говорили о рижской школе перевода, но рижские переводы не давали, а то печатали, что переводила Москва. Московские переводчики искажали латвийскую литературу. Вышел сборник фальсификаций Бриедиса, я написал очень жесткую рецензию. Это было время, когда такие вещи печатала «Даугава». А потом в «Литературной газете» мне устроили разнос на весь Советский Союз. Кто-то наверху пришел в бешенство, но я не мог молчать, потому что это была полная фальсификация.

Ирина Цыгальская: Коротенькая реплика относительно Москвы, московских переводчиков и якобы их такого жесткого отношения к русским переводчикам, живущим в Латвии.

Московские переводчики, журналы, в особенности «Дружба народов», издательства, в особенности «Художественная литература» и редактор этого издательства Любовь Осипова столько сделали для популяризации латышской литературы, поэзии на русском языке, публикуя на своих страницах произведения латышских авторов, издавая книги, в том числе и переведенные рижанами, что нельзя перечеркнуть всю эту работу.

Даже если какая-то конкретная книга оказалась неудачной, если московский переводчик, допустим, не смог в силу каких-то причин адекватно передать красоту поэтической строки латышского автора. Ну, не вытянул: такое бывает.

Гарри Гайлит

(статья, присланная перед дискуссией)

Новая культурная ситуация и русская литература в Латвии

В последнее время наш стремительно меняющийся русский язык, упрощаясь, преподносит нам много сюрпризов. Иногда даже ставит в тупик.

Я не знаю, например, что ответить на вопрос, кто является культуртрегером русской культуры в Латвии. Кажется странным видеть сочетание таких понятий, как культуртрегерство и русская культура, на сайте Гуманитарного семинара. Я не привык ставить эти слова рядом. И кто делает русскую культуру — это тоже «хороший» вопрос.

Впрочем, если говорить коротко и под стать спрашивающему, можно ответить просто: культура делается сама. А вот предпосылки для нее создаются (тоже, заметьте, не создают, а создаются) большим количеством людей. Художниками, писателями, музыкантами, архитекторами, учителями, работниками многих и разных учреждений.

Культура (если не иметь в виду материальную культуру) — это аура, сама собой возникающая вокруг определенного конгломерата индивидуальностей в результате их интеллектуальной и духовной деятельности. Причем что интересно: относительно латышской культуры может идти речь о нации и не может идти речь о нации относительно русской культуры. О нации можно говорить касательно культуры Великобритании, но не принято говорить о нации применительно к английской культуре. Или французской. А что делать с США? Такого понятия как культура США по некоторым причинам в научном обиходе вообще не существует. Тогда как понятие «американская культура» подразумевает нечто гораздо большее, чем культура США.

Так что кто делает культуру — не совсем корректный вопрос. Наверное, тут подразумевается другое — кто «продвигает» русскую культуру в Латвии? И это действительно интересно, так как сегодня ею занимаются совсем не те люди, что, например, до 1985 года.

И дело не в том, что тогда, в 85-м, государство возглавил новый человек, и в результате его инициатив все стало меняться в нашей жизни. «Процесс пошел» в связи с совсем другим процессом. На огромной территории советского государства давно свирепствовавший на Западе постмодернизм наконец взломал старую

культурную парадигму. В русской культуре неожиданно поменялись местами полюса, рухнули привычные духовные ценности, и посыпалась вся экономическая система вместе с общественным строем.

Постмодернизм перевернул политику, философию, науку, экономику и всю гуманитарную сферу. Иным стало наше мышление.

Мы долго считали, что революция потрясла только нашу бывшую страну. Это не совсем так. Просто гигантское государство, скорей всего в силу своей «громадности», оказалось самым неустойчивым в мире. Разворотив его, процесс ломки парадигмы покотился дальше и до сих пор продолжает неистовствовать, упрощая мир и абсолютно все отношения в нем.

Это, как землетрясение, разрушило одну систему авторитетов и породило новую. Русская культура стремительно демократизировалась, очень низко опустилась планка решительно всех критериев. В результате практически исчезли грани, отделяющие высокую культуру от масскульта. Прервалась даже связь времен: нынешнее поколение тех, кто «продвигает» сегодня культуру, знать не хочет прежний опыт своих высоколобых и рафинированных предшественников.

В отличие от России, где не в пример Латвии интеллигенция еще достаточно сильна, у нас старый слой носителей русской культуры рассыпался в пыль. Исчез, например, редакторский корпус, потому что нет больше русских издательств и толстых журналов. В Союзе писателей Латвии ликвидирована русская секция. Театр, изобразительное искусство, мир музыки коммерциализировались. Очень многие уехали. Кто же остался? Кто реально двигает культуру?

Вроде бы не ясно. Но это только так кажется. Понятно, что сегодня она существует благодаря совсем не тем, кто пытается сохранить прежние традиции. Она выживает на деньги бизнесменов. И сами мы сегодня мыслим о проблемах культуры тоже чаще экономическими категориями, чем эстетическими или нравственными. Поэтому вряд ли я ошибусь, если скажу, что у нас в Латвии главный культуртрегер русской культуры — бизнес.

Что касается вопроса, кто делает русскую культуру, то, если не касаться музыки, театра, изобразительного искусства, а говорить лишь о литературе, гораздо легче определить, кто теперь ее не делает. Не делают ее у нас в Латвии по сути все, кто в России и на Западе к этому по-прежнему причастны. То есть издательства,

потому что их у нас позакрывали; СМИ, так как они почти все пожелтели и литература теперь не их формат; критики — их толком у нас никогда и не было; творческие организации — они приобрели лубочный окрас и погрузились в групповщину...

Короче, у нас нет стержня, который определяет и формирует литературный процесс. Нет единства, нет объединения. Все живут порознь, не создавая общего магнитного поля.

Наши писатели набрались амбиций и друг друга стараются в упор не видеть. Так, пожалуй, лучший у нас в Латвии русский поэт Владлен Дозорцев демонстрирует свою самостоятельность и непричастность к «общему делу», утверждая, что каждый автор теперь может за свой счет издавать свои стихи, и это нормально. Для истории — может быть нормально. Для меня — нет. Самодеятельность в искусстве и в литературе, на мой взгляд, должна кончаться ровно там, где кончается художественное творчество. Дальше вступают в действие профессиональные фильтры и оценочные механизмы, которые должны фильтровать литературный процесс. В конце концов, разве на Западе где-нибудь издается «самопал»? Вся литература в Европе и Америке проходит через сито издательства. Издаваться за свой счет там — дурной тон.

Между тем такая позиция, которую у нас занимает Дозорцев, не так уж и безобидна. Она дезорганизует и нивелирует литературный процесс. Именно Дозорцев, как личность харизматическая, мог у нас очень многое сделать для активизации литературного процесса.

Впрочем, он сам же за это недавно и попался. В Риге с некоторых пор существует, так сказать, небольшой поэтический кружок из четырех поэтов, тесно связанный с московской писательской тусовкой. Творческие контакты с москвичами они узурпировали настолько, что на недавний вечер, организованный для приехавших из Москвы гостей, и на закрытые посиделки с ними они, эта «четверка стихотворцев», как всегда, никого из «чужаков» не позвали. Ни Дозорцева, ни Гуданца, ни кого-нибудь еще. Дозорцев этим был сильно раздосадован, хотя отчасти сам же в таком отношении между местными литераторами и виноват.

С другой стороны, действительно возмутительно, что в Латвии процветает групповщина и литературные связи с материковой литературой строго приватизированы.

Немалую часть русских авторов собрал в

творческое объединение Анатолий Буйлов. У него издается даже свой альманах, но насколько это все качественно и профессионально делается, никакой оценке не поддается. Критика людей, ставших авторитетами, в наших СМИ сегодня не поощряется. А как появляются авторитеты, все мы знаем. Вот, например, Вера Панченко — в советское время, когда при Союзе писателей Латвии действовало сильное русское отделение, она на общем фоне никакими особыми литературными качествами не выделялась. В те годы группу молодых авторов вел очень достойный поэт и прозаик Николай Гуданец, референтом по русской литературе была Ирина Цыгальская, и худо-бедно литературный процесс наличествовал, поскольку существовало и некое энергетическое поле, и авторитетные литераторы, объединяющее всех пишущих в одно целое. Цыгальская и Гуданец под эгидой Союза писателей и с участием российского посольства организовывали литературные конкурсы, что тоже способствовало динамичным процессам в местной русской литературе. Тогда же издавались два литературных журнала — один из них редактировал Дозорцев, пока не ударился в политику, затем его по очереди заменили Рольд Добровенский и Жанна Эзит. Цыгальская издавала литературный ежегодник. Кроме того, несколько номеров еще одного, получается уже третьего по счету журнала издал даже Гуданец. Можно сказать, писательская жизнь тогда была ключом, и тон задавали авторитетные прозаики и поэты.

Когда все это кончилось и все забилась каждый в свой угол, литературное поле «зачистила» под себя Панченко — кстати, типичный продукт новой западной демократии. Одна из наших газет недавно назвала ее «авторитетным человеком в мире культуры», замечательным поэтом и очень ответственным лицом. Насколько это так, можно спорить. Но, с другой стороны, что это означает? Только то, что прервалась связь времен и поколений. Это означает нежелание «ответственных лиц» сопоставлять нынешнюю литературную ситуацию с прежним литературным опытом.

Когда в Риге создавался филиал Союза российских писателей, возникла надежда, что литературная жизнь, наконец-то, войдет в нормальное русло. Сделать это планировалось просто. Русские члены СП Латвии, до 91-го года почти все одновременно являвшиеся еще и членами Союза писателей СССР (раньше в СПЛ вступали через приемную комиссию СП СССР), могли при желании автоматически восстановить свое членство, но теперь уже в ли-

берально-демократическом Союзе российских писателей, унаследовавшем членские документы СП СССР (и, кстати, пользоваться многими правами членов Литфонда России). Восстановившись, они стали бы членами рижского филиала СРП, в результате чего и сложилось бы единое поле русской литературы в Латвии. То есть возникла бы профсоюзная писательская организация, которая, что очень важно, аккумулировала бы денежные средства на все свои литературные нужды. По образу и подобию обычного творческого союза.

Но... первыми отказались восстановиться Добровенский и Эзит. За ними кто-то еще и, в конце концов, — Дозорцев с Гуданцем отказались тоже.

Так рижский Филиал СРП превратился в узкий поэтический кружок, получивший позднее название «Метафора». Вытесненными из Филиала оказались прозаики Владимир Новиков, Цыгальская, Гайлит... Все это было сделано исключительно ради того, чтобы не удалось при филиале СРП создать сильную секцию прозы, которая, не дай бог, перетянула бы одеяло на себя, а с ним и материальную поддержку москвичей, если бы такая была.

Раздробленность в результате этого только углубилась. Хотя литературные силы есть. Отдельно в Риге функционирует другой филиал — Союза писателей России, возглавляемый Буйловым. Новиков правит кораблем детских авторов. Поэт Сергей Тимофеев — «Орбитой». Панченко — «Метафорой». Кроме того в Латвии существует много начинающей пишущей молодежи — на литературные конкурсы всегда приходят сотни рукописей.

Но все настолько разобщены, что вряд ли можно сказать — они делают русскую литературу в Латвии. Поэтому приходится считать, что русской литературы как таковой, как единого художественного явления, у нас нет. Есть отдельные авторы, иногда стихийно сбивающиеся, как волки в стаю, в малочисленные любительские группы. О литературных достижениях говорить тоже не приходится. «Опредмеченные результаты деятельности» этих авторов если и появляются, то в подавляющем большинстве за пределами Латвии, становясь фактами уже российского литературного процесса.

Рольд Добровенский — О культуре Латвии сегодня. Прежде всего, меня несколько смущает название — не уверен, что культуру можно «делать». И не в том суть, что это грубовато или там смело, или нарочито «опрощено».

Это бы все на здоровье. Тут мне чудится ошибка глубинная, подрубающая частично корень об-суждаемого. Стихи можно (поверим Маяковскому) делать, и погоду делать, и многое другое, видимое и невидимое. Что можно создавать, то можно и делать. Культура, бери ее в сколь угодно широком или, напротив, узком понимании, не создается и не делается. Она сплав и итог, всегда уточняемый, не окончательный, — неисчислимого множества веяний, влияний, движений, изменений, дыханий, творений и их восприятия, плюс массы, разумеется, вещных, осязаемых предметов, событий, «артефактов» и пр. Сделать ее ну никак нельзя. (А, скажем, даже атмосферу — можно). С «культуртрегерами» тоже проблема. (Сроду не придирался специально к словам. Но тут что-то царапает, мешают). «Носители культуры» — не обязательно этикие миссионеры (предлагающие, правда, не веру. Или не только веру). Второе толкование слова, увиденное в Интернете, и вовсе не годится (там о «колонизаторах, навязывающих свою культуру» туземцам, что ли). Носители культуры, если уж буквально, не столько «продвигатели» ее, сколько впитывающие, воспринимающие. Просто-напросто культурные люди. А культуртрегеры без кавычек представляются мне массовиками-затейниками высшего звена, организаторами всяких культурных действий, что ли, менеджерами. (Все это так, вне анкеты, можно было бы и при себе оставить, но почему-то сказалось).

Теперь собственно о русской культуре в Латвии. Я ограничусь литературой. И тем немногим, что знаю сам. Вот был тут и наездами бывает изредка Андрей Левкин. Он из организаторов культуры — его «Родник» оценен по достоинству и принадлежит культуре Латвии, причем и русской, и латышской, — и в не меньшей мере культуре России. И сам он как серьезный, заметный русский прозаик во многом был и остается рижанином. Есть еще Сергей Морейно, не только поэт и переводчик, но, я бы сказал, и теоретик поэзии, гораздо глубже укорененный уже в двух языках и культурах: прежде всего русской, но и латышской тоже. Его переводы Юриса Кунноса, Улдиса Берзиньша, Яниса Рокпелниса, Александра Чака стали неотъемлемой частью его собственной поэзии и поэтики. Он участник современного латышского литературного процесса, его авангардной части.

Это сравнительно новое явление. Прежде в республиках СССР две литературы, национальная и местная русская, жили по большей части неслиянно. Перекрестное опыление, ко-

нечно, имело место, русские литераторы переводили латышских, литовских, грузинских, армянских и те — своих русских соседей. Но в постсоветской Латвии (не могу судить о Литве и Эстонии; кажется, и там подобный процесс происходит) сближение и взаимопроникновение двух литератур обретает новое качество. Хотя началось это не сегодня. В советское время года три не могла пробиться в печать книга стихов Людмилы Азаровой «Сильный латышский акцент». Поэтессу, жену уже тогда, кажется, народного поэта Латвии Ояра Вацietиса, подозревали в латышском национализме.

Всего нагляднее та новизна, о которой я веду речь, наблюдаема в деятельности «Орбиты», — это творческое объединение русских рижских литераторов и художников. Чуть ли не все издания «Орбиты» — а их с 1999 года, момента старта, накопилось немало, — двуязычны. Причем молодые (в большинстве) русские авторы общаются с коллегами-латышами свободно и непредвзято, с достоинством, но без высокомерия и уж тем более без попыток как-то подладиться. Тех проблем и комплексов, которые омрачают во многом отношения двух общин «за кадром», здесь вроде бы не существует. Никто не притворяется, нет нужды. Интерес художников друг к другу неподделен. И неизбежное взаимовлияние полезно для здоровья творческого, а может быть, и телесного. Тут, в созидательной сфере, кто знает, не проглядывают ли в зачатке черты политической нации, которой надо бы когда-нибудь сложиться в стране, если она надеется выжить. Добавлю, что, в отличие от множества больших и малых литературных образований, весьма сомнительных в смысле профессиональном, «Орбита» держит планку высоко, и уж ее участников никак не упрекнешь в литературном самозванстве, столь распространенном в наши дни — при небывалом дефиците критики и внятных критериев качества лит. продукции. (Вот, поворчал между делом).

Все это не какие-то внешние, поверхностные обстоятельства, и значение их далеко не местное. Происходящее находит отклик и в России, и во многих других странах. Участвует в создании той новой русской литературы, что давно уже не вмещается в географические границы Российской Федерации, а вместе с носителями языка и родной культуры обитает чуть ли не на всех континентах, вступая в сложнейшие и загадочные, непредсказуемые отношения с языками и судьбами других языков и людских сообществ.

В каком-то смысле и мой личный писа-

тельский опыт связан с взаимодействием языков и культур, вплотную соприкасающихся в Латвии. Мой биографический роман о латышском поэте и мыслителе — «Райнис и его братья» — безусловно русская книга, не менее русская, чем мои же книги о Мусоргском и Бородине. Мало кто знает, однако, насколько эта работа (неожиданно для автора) вошла в культурный обиход латышей. Совсем недавно по примеру, кажется, Дании здесь, в Латвии решили составить свой «канон», перечень бесспорных, если не сказать классических ценностей в разных отраслях культуры. К обсуждению в изобразительном искусстве, архитектуре, кино, литературе и т.п. были представлены несколько сотен имен и творений, появившихся за последних полтора–два века. На среднем этапе их оставалось вдесятеро меньше, в итоге под конец были названы по 12 единиц в каждой отрасли культуры. Так вот, среди 30 литераторов, «допущенных» экспертами ко второму этапу, было лишь двое нелатышей — немец Гарлиб Меркель, ярый оппонент тогда еще живого Иоганна Вольфганга Гете и автор знаменитого сочинения «Латыши, особенно в Ливонии, на исходе философского столетия» — книги, близкой и прямо родственной радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву» — и... Р. Добровенский со своим документальным романом. В конечном счете в «латышский канон» вошли 12 почивших авторов и двое живых — Имант Зиедонис, Улдис Берзиньш. Выбор, с которым не поспоришь. Надеюсь, мне поверят, если скажу, что меньше всего на свете я хотел бы быть «канонизированным». Речь-то о другом. О русской культуре Латвии, которой вовсе не обязательно отгораживаться высокой стеной от близкой, рукой подать, другой культуры, другого языка, далеко не постороннего для земли, где мы живем, где некоторые из нас родились, а некоторые, не будем указывать пальцами, скорей всего и помрут в свое время.

Ирина Цыгальская — Другой опыт

Эти заметки возникли как результат раздумий о русской культуре вне России.

Распад советской империи вызвал новую волну эмиграции.

Русские писатели Латвии стараются как бы заново осмыслить свою судьбу вне России.

Кое-кто уезжает. Иные — возвращаются на этническую родину, других судьба забрасывает куда-нибудь еще...

Мало кто не оглядывается, мало кто из

остающихся не смотрит вслед. Держат в плену былые привязанности, возникают новые... И эта невольная грусть, может быть, тоже преобразуется в источник вдохновения. По крайней мере заставляет задуматься, из чего состоит творчество, откуда берутся импульсы, какие происходят превращения и как они отражаются на развитии литературы и искусства.

Между писателями — бывшими латвийцами и по-прежнему живущими здесь — долго сохраняется взаимное притяжение. Савва Варяжцев, перемещающийся в пространстве между Скандинавией и Швейцарией, Италией, Владимир Френкель, поселившийся на окраине Иерусалима, Ольга Николаева в Подмосковье, Андрей Левкин и Сергей Морейно, живущие попеременно то в Латвии, то в Москве, — все они продолжают следить за развитием литературы в Латвии. Журнал Даугава в лице своих сотрудников отвечал взаимным интересом к их творчеству, по мере возможности — публикациями их произведений.

Можно говорить о влиянии, которое оказал на культуру Латвии, в том числе и на литературу, журнал Avots/Родник. Avots/Родник в нашей культурной жизни был явлением незаурядным. Свежая струя, поток новой литературы. Думается, молодые поэты и писатели того времени (первая половина восьмидесятых, самое начало девяностых годов прошлого века) были захвачены этим вызовом, провоцирующим поиски, развитие поэтики, каждый — своей, индивидуальной.

Попытка А. Левкина переродить и освежить страницы Даугавы — совместно с Дмитрием Сумароковым они были составителями и редакторами одного из последних номеров журнала в конце 2007 года, — не кажется особенно удачной. Вероятно, тут были объективные причины, эта задача — не из простых. Может быть, роль режиссера, ставящего спектакль на сцене театра другого города, другой страны более перспективна. Быть режиссером журнала в другой стране, не находясь внутри процесса, вероятно, гораздо труднее, нужен большой запас времени, чем тот, которым располагали А. Левкин и Д. Сумароков.

Сохраняется живая связь с историками литературы Лазарем Флейшманом и Романом Тименчиком, их приезд в Латвию — всегда событие, они стали как бы звеном, связующим нас, так сказать, с большой, материковой, русской культурой. Кажется, по-прежнему остаются живы импульсы, которыми заражает творчество Олега Золотова. Он сумел наполнить свои поэтические произведения, думается, и

теперь поэты и читатели чувствуют накал его поэтической строки, в основе которой — интенсивное переживание жизни. К сожалению, его путь рано оборвался.

Подборки стихотворений Григория Гондельмана, Олега Золотова и тоже преждевременно ушедшего из жизни Алексея Ивлева в Альманахе Современная русская поэзия Латвии, изданном Орбитой в 2008 году, стали как бы центром притяжения, вокруг которого размещаются другие представленные авторы. В Альманахе немало талантливых стихотворений, подающих надежды строк. Все же — настоящий вес этому изданию, по-моему, придадут произведения именно этих трех поэтов.

Сильным источником вдохновения были и остаются соприкосновения с латышской культурой, хотя между ней и здешней русской культурой остается четкая граница. По многим признакам, начиная с разных традиций.

По сравнению с изобразительным искусством, может быть, и музыкой, деление в литературе более очевидно — по языку, что естественно, так как язык — главный инструмент писателя.

Между русской и латышской литературой происходит постоянный диалог, и он начался не сегодня. Вот уже примерно 150 лет переводится на латышский язык русская литература, накопилась большая библиотека: собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого...; проза и поэзия двадцатого века. Около ста лет на русский язык переводится латышская литература. Вспомним сборник 1916 года под редакцией М. Горького и В. Брюсова. Были публикации и раньше. Как никогда интенсивно переводилась и издавалась латышская литература в период начиная с шестидесятых и до восьмидесятых годов. В результате у нас образовалось немалое богатство — книги прозы, сборники поэзии, антологии.

С конца пятидесятых годов как в России, так и в других тогдашних советских республиках начинается процесс обновления поэзии. Вехи обновления — экология культуры, обращение к истории. В этом процессе активно участвуют и латвийские поэты. Русская поэзия, да и проза в Латвии обретает свой — другой — опыт. У Людмилы Азаровой в 1974 году выходит книга стихов со знаковым названием — Сильный латышский акцент.

Студенты отделения русского языка и литературы филфака Латвийского университета с любопытством присматриваются к латышским филологам, среди которых немало как люби-

телей поэзии, так и пробующих в поэзии собственное перо. Для многих филологов русского потока это становится стимулом или, как сегодня принято говорить — мотивацией — изучить латышский язык. Читаются стихи Ояра Вацетиса и следующей за ним целой плеяды молодых поэтов.

Чуть позднее возникает, переживает становление рижская школа поэзии, поэтического перевода. К ней принадлежит значительная группа русских поэтов Латвии, среди которых — Лариса Романенко, Людмила Азарова, Лидия Жданова, Виктор Андреев, Ирина и Леонид Черевичники.

Постепенно рушатся прежние каноны, ограничения идеологического характера, навязанные сверху требования к поэзии.

Событием для читающей по-русски публики становится издание в 1964 году сборника стихотворений Аустры Скуини *Словно крик птицы* в переводе Ирины Черевичник. Внимание к стихам этой поэтессы времен первого периода независимости Латвии привлекает не только трагическая судьба Аустры Скуини, рано покончившей жизнь самоубийством, но и самая ее поэзия, отмеченная ярким изображением переживания личной судьбы, частной жизни.

Пристальное внимание к латышской поэзии лежит в основе титанического труда Роальда Добровенского, написавшего роман о Райнисе, изданный в конце девяностых годов. Эта книга была удостоена в Латвии высокой награды.

С конца восьмидесятых, в первой половине девяностых годов лидером следующего поколения переводчиков латышской поэзии становится Сергей Морейно, а молодых в то время латышских поэтесс начинает переводить Милена Макарова.

В нулевых эстафету диалога частично перенимают орбитовцы. Заслуживает внимания изданный ими в форме чековой книжки билингвальный сборничек поэзии *Nauda/Деньги*, в котором ясно слышится переключка между нынешними молодыми латышскими и русскими поэтами.

Возможно, именно работа над переводами латышских поэтических произведений, написанных белым, а также свободным стихом, способствовала распространению верлибра в русской поэзии Латвии.

...Интерес, разумеется, взаимный. Трудно найти латышского поэта, который ничего бы не знал и не хотел узнать о русской поэзии, в том числе — и о русской поэзии в Латвии.

В качестве новейших примеров обоюд-

ного интереса можно упомянуть две книги, увидевшие свет в 2009 году: билингвальное издание избранных стихотворений И. Бродского, со вкусом составленное Карлисом Вердиньшем, и сборник стихотворений четырех молодых латышских поэтов: К. Вердиньша, Петериса Драгунса, Мариса Салейса и Марта Пуятса. Переводы выполнены Семеном Ханиным.

Русская литература в Латвии несомненно является частью русской культуры и частью существенной.

К сожалению, в последние годы, пожалуй, уже можно сказать — десятилетия, литературе уделяется слишком малое внимание со стороны средств массовой информации. В том числе и русской литературе, как ни странно — и русскоязычными СМИ: газетами, каналами латвийского телевидения. Парадокс: случается, что отзыв о книге на русском языке появляется в латышской печати, тогда как русская встречает новое издание фигурой умолчания.

Приятным исключением до сих пор оставалось Латвийское радио. В недавнем прошлом о новинках русской литературы в Латвии регулярно говорилось в передачах, подготовленных русским редактором Любовью Виксе, в последние годы — на Домской площади, в авторских передачах писателя и публициста Марины Костенецкой и радиожурналиста Татьяны Зандерсон.

Думается, подобное невнимание к литературе, равным образом и к латышской, и к русской, не обходится без вдохновляющего влияния со стороны иных представителей властных структур, а также держателей частного капитала. Недаром большинство писателей после восстановления независимости так быстро были отстранены от активного участия в общественной жизни. Писатели — люди неудобные. Разве они могли бы приветствовать растущую алчность, социальную несправедливость?

Хочу процитировать несколько слов из интервью, которое совсем недавно дала известная латышская актриса Байба Брока театральному критику Зане Радзобе: «Сегодня художник не может не быть левым. Я не могу быть счастлива, если рядом со мной так много несчастных людей. Тогда мне надо было бы быть зомбированной, бесчувственной...»

Известный исследователь русской культуры Латвии, ныне покойный Юрий Иванович Абызов говорил, что русские писатели Латвии находятся «на полях большого российского текста». На мой взгляд, мы находимся в то же время и на полях латышского текста, наше положение — промежуточное, маргинальное. Слово

«маргинальное» я употребляю в положительном смысле. Оно означает нахождение с краю, в стороне. А со стороны, как говорят, виднее.

В нынешнее время звезды театральной сцены и экранов телевизора зачастую не вырастают, развивая природный дар, а раскручиваются.

Не минует сия чаша и писателей, в том числе, и русских писателей Латвии.

Все большая роль принадлежит информационной поддержке. Русские писатели Латвии, в целом, ее почти не имеют. Читатели здесь, надо думать, есть. Разумеется, их круг весьма узок. Еще более узок он в России. Также и потому, что немногим удается пробиться на страницы российских печатных изданий. Все же — наши авторы замечаются на страницах журналов Дружба народов, Нева, поэтического альманаха Арион.

Относительно Европы: мне близка мысль Чеслава Милоша о другой Европе. Подразумевается, что и мы, и нам ближе Восточная Европа, главным образом из-за общности судьбы.

Так что в Восточной Европе — читали бы. К сожалению, у меня нет информации, где и кому удалось опубликовать свои произведения в этом регионе.

В Западной Европе? Тоже, наверно, читали бы, ведь и русские писатели, поэты Латвии обращаются к экзистенциально неизбежным переживаниям. В манере письма, в стилистике, способах самовыражения и нас не обошли стороной ни модернизм, ни постмодернизм, ни прочие — измы... Было бы что-то за душой.

Здесь, может быть, уместно поговорить о свободе литературы. Общеизвестны ограничения литературы и искусства в советское время. После глотка свободы, полученного в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов прошлого века, гнет этот вскоре возвращается. Все же — не в таком полном объеме, после двадцатого съезда (1956) нравы несколько смягчились. К тому же люди искусства и культуры, литературы научились обходить кордоны политической, идеологической, да и продиктованной глупостью и невежеством цензуры. Лучше это удавалось поэзии, так как поэтическая речь — это особенный язык, не всегда и не всякому чиновнику, следящему за идеологической чистотой, достаточно понятный. Недаром все жаждущие правдивого слова шли к поэтам.

В новые времена теоретически любой может написать, что хочет, при желании основать издательство или журнал, издать и напечатать все, что заблагорассудится, это не запрещается законом (кроме пропаганды насилия, рассле-

ния малолетних, разжигания этнической вражды и т.п.). Однако на деле возможности определить свои труды мало, а то и нет совсем, потому что нет на это денег. Вступает в силу жесткая экономическая цензура. Бывает, что она экономическая лишь на поверхностный взгляд, а по сути продиктована не без участия политических, идеологических, корпоративных да и вкусовых соображений о том, что должно и что не должно появиться в публичном пространстве.

В Латвии есть русская литература, есть немало талантливых писателей. Нет литературного процесса. Проблема эта стала особенно острой после того, как прекратила свое существование Даугава — единственный в Латвии литературно-художественный и публицистический журнал на русском языке.

Как бы ни был мал круг читателей и писателей, группировавшихся вокруг Даугавы в последние годы ее существования, как бы год от года этот круг ни сужался (причин, обстоятельств — много, и субъективных, и объективных, но это разговор отдельный), все же Даугава объединяла, держала планку и показывала образцы, помогала в установлении иерархии, была школой публикаций, нередко — первой, а то и единственной трибуной.

Без таких изданий, которые крепили бы шкалу ценностей, можно только утонуть в море текстов, находимых в разных появляющихся и исчезающих периодических изданиях, в отдельных, авторских, и общих, тематических сборниках и сборничках, Альманахах, в сети.

После закрытия единственного журнала

писатели зажили сами по себе окончательно. В лучшем случае — маленькими группками. Как Орбита.

Кроме уже упомянутых мной в той или иной связи поэтов и писателей, в развитии русской литературы Латвии активно участвовали или участвуют поныне: **Николай Задорнов**, столетие которого недавно отмечено открытием в Риге библиотеки его имени, чьи романы немалыми тиражами расходились и в Латвии, и в России, переведены на многие языки;

Николай Гуданец, поэт, чуткий к поэтическому дару как сверстников, так и молодых собратьев; будучи консультантом по русской литературе в Союзе писателей Латвии в конце восьмидесятых и начале девяностых годов, он сплотил группу талантливой молодежи, в которую входили и упомянутые выше, в то время — начинающие — поэты О. Золотов, А. Ивлев, Г. Гондельман;

Вольдемар Бааль, который тоже любил и умел работать с молодой порослью. Сборники рассказов, романы В. Бааля выходили и в Латвии, и в Москве;

Гарри Гайлит, театральный и литературный критик;

Борис Равдин, историк литературы, исследователь;

Владимир Новиков, художник, детский поэт, писатель.

Пусть простят меня другие, кого не упоминаю либо по незнанию, либо упустив из виду.